

Последние дни Булата Окуджавы в Париже

Известия - 1994 - 16 июня - с. 6.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия»

Во вторник из Парижа в Москву рейсовым самолетом «Аэрофлота» доставлен гроб с телом Булата Окуджавы. В среду, с 10 утра, в Вахтанговский театр с поэтом придет прощаться вся Москва. На следующий день — похороны на Ваганьковском кладбище.

«Нас покинул величайший поэт сегодняшней России... Не признающий суеты бард сумел противостоять полицейскому режиму бывшего СССР. Вопреки цензуре негромкий его голос под простые аккорды гитары вошел в дома и души, потому что пел о силе духа, о любви к ближнему, о достоинстве и свободе человека. Русский язык учат по Пушкину, а отныне — и по Окуджаве», — заявил Федерико Майор, генеральный директор ЮНЕСКО, с авторским концертом в здании которой выступал в июне 1995 года Булат Окуджава.

— Булат Шалвович с женой Ольгой Владимировной приехал в Париж 18 мая, — рассказывает «Известиям» постпред России при ЮНЕСКО посол Михаил Федотов. — Приехал, чтобы отдохнуть, походить по городу, который он очень любил, — Елисейские поля, Монпарнас, которому посвятил стихи. Он заходил в те места, где встречался со своими друзьями в прошлом, где бывал с Виктором Некрасовым, где были другие памятные встречи, то есть он обходил «свои владения».

— Окуджава, кажется, собирался выступить в Париже?

— Идея его выступления возникла в какой-то из первых дней. Я его спросил, как бы он к этому отнесся, поскольку мы устраиваем в постпредстве вечера для узкого круга русских парижан и планировали сделать такой же вечер с Булатом Шалвовичем. Конечно, о том, чтобы петь, разговора не было и быть не могло — у него было очень плохо с легкими, он тяжело дышал... Речь шла о том, чтобы просто встретиться, поговорить, почитать стихи. Поэтому мы так в приглашении и написали — «Вечер поэзии». Он должен был состояться 28 мая. Но совершенно неожиданно на всех на нас напал грипп. Вы знаете, такой парижский грипп — к нему должна быть привычка. У нас уже привычка есть, поэтому нам проще было справиться, а для Булата Шалвовича это было действительно очень опасно, потому что он принимал такие лекарства, которые снижали иммунитет. И для него любая вирусная инфекция была крайне опасна. Он это знал, но это его не останавливало. Он был человеком абсолютно бесстрашным — можно подумать, что железа, которая вырабатывает страх, у него просто отсутствовала.

— Как же его лечили?

— Вначале приходил к нему наш посольский врач Фердинанд Валерьевич Аксанов, очень хороший, приходил по нескольку раз в день. Сказал: давайте не будем начинать с антибиотиков, потому что Булат Шалвович пьет еще и другие лекар-

ства, и как бы здесь они не вступили в конфликт друг с другом. Давайте подождем несколько дней, все должно стабилизироваться. Но, к сожалению, не стабилизировалось. Температура была высокая — за 39, и стало ясно, что нужна госпитализация. Обратились в больницу «Валь де Грасс», и там нам сказали, что лучшее пульмонологическое отделение — потому что речь шла именно о легких — в новом госпитале «Перси» в Клараре. Мы туда его отвезли.

— Сделали ли французские врачи все, чтобы спасти Окуджаву?

— Когда он уже оказался в реанимации, врачи отметили, что у него был очень тяжелый психологический шок, который тоже сказался на состоянии его организма. И я так понял, что дело заключалось в том, что он перенес страшный стресс из-за своей «безъязыкости». Для него, поэта, язык всегда был главным органом. А здесь он оказался без языка, потому что люди, которые его окружали — врачи, медсестры, его не понимали, и он их не понимал. И это на него, как я подозреваю, произвело тяжелое впечатление.

— Появились сообщения о том, что Окуджава якобы умирал едва ли не в одиночестве...

— С ним все время кто-нибудь находился. В первую очередь, конечно, его жена Ольга Владимировна, которая была с ним неотступно. Рядом находилось много людей, которые вели постоянное дежурство, — старший сын Александра Гинзбурга — Саня, дочка Анатолія Гладиллина — Алла, Фатима Салказанова... Только когда он уже оказался в реанимации и был погружен в наркоз и спал, присутствие Ольги Владимировны врачи посчитали бессмысленным и даже просто вредным и опасным для ее здоровья. Булат Шалвович и умер во сне...

В тот страшный вечер, когда Булат Шалвович уходил из жизни в госпитале, я должен был присутствовать на государственном приеме по случаю Дня независимости России. Там я встретил Анатолия Гладиллина. Мы обнялись, и я сказал ему: «Зачем вы мне тогда позвонили? Может быть, если бы он не приехал, то был бы жив...» Потому что я от Гладиллина узнал, что Булат с Ольгой собираются в Париж. Они не знали, где им остановиться. И Гладиллин посоветовал им: «Остановитесь, как всегда, у Федотовых» (то есть в жилом доме постпредства России при ЮНЕСКО. — Ю.К.). Они ответили: ну сколько можно,

мы столько раз у них останавливались. И я тогда сразу позвонил и сказал: «Ну что за странные счета...» Он был очень щепетильный и никому не хотел доставить ни грана беспокойства.

— О чем говорил с вами в последние дни Окуджава?

— Когда он был еще совершенно здоров, в один из вечеров мы четвером поехали в китайский ресторан — это была его инициатива. И почти весь вечер мы говорили о России — о культуре, об особенностях нашего национального самосознания, когда мы чувствуем себя гражданами великой державы, чувствуем ответственность за судьбы мира... Сам он чувствовал себя абсолютно русским человеком. Поэт принадлежал русской культуре, но в то же время, я убежден, он принадлежит всему человечеству. В его последнем стихотворении, написанном 19 мая, есть такие строчки:

Вниз поглядишь — там вздыхает Париж,
Именно он от асфальта до крыш,
Вверх поглядишь — там созвездие крыш,
Крылья расправишь и тут же взлетишь...

И мне кажется, что в этих строчках есть какое-то провидческое начало. Булат Шалвович приехал в Париж, крылья расправил и взлетел. Он воспарил. Он поэт в высшем смысле. Ведь у него в университетском дипломе написано: специальность — учитель русского языка и литературы. Вот он для меня и для всех нас был и останется Учителем русского языка и литературы и человеческих отношений, человеческой порядочности, честности, щепетильности, чистоты.

— А не чувствовал он себя в последние время забытым, обойденным?

— Нет, это его совершенно не волновало. Он был в своем мире, который близок миллионам людей. Более того, страшно, когда человек умирает на излете, а Булат Шалвович умер на взлете. Он писал стихи. Здесь, в Париже, он купил два блокнота, один отдал Оле, а один взял с собой в госпиталь, и этот блокнот лежал у него на тумбочке, рядом с постелью до последнего дня. И пока он был здоров, писал стихи. Это были фрагменты, но одно было закончено. И это Ольга должна решить, когда его публиковать. Мне оно очень нравится. Помоему, совершенно замечательное, пронзительное стихотворение о жизни.

— Как он относился к тому, что

„... Не везет мне в северной — повезет в южной.“

Б. Окуджава

Этот портрет Булата Окуджавы наш фотокорреспондент Виктор Ахломов сделал 9 мая 1994 года — в день 70-летия поэта. Надпись на снимке Окуджава сделал в марте этого года...

сейчас происходит в России? С пониманием, с недоумением, с возмущением?

— Нет, никакого недоумения, никакого непонимания. Наоборот, прекрасно понимал, что происходит в России, и видел те ошибки, которые совершают, но прощал их. Поэт понимал высокую цену тех реформ, которые происходят. И он понимал, что эту цену определяют не сегодняшние правители, а ее заложил те, кто из прекрасной страны, какой была Россия в начале века, превратили ее в военный лагерь с обманенными людьми.

— В главном православном соборе Франции — церкви Александра Невского — прошло заочное отпевание и панихида. Разве он был верующим человеком?

— Это очень личное. Он был крещен... Очень важно, чтобы никто в Москве не шел ни на Ваганьковское кладбище, ни в церковь, где будет второе отпевание, — это только для семьи, для родных. И думаю, что тот народ, который любит поэта, не пойдет.

— Как решился вопрос с оплатой счетов в госпитале?

— Меня потрясло, что появился человек, который приехал сюда из Москвы по каким-то своим делам. Он сам пришел и предложил деньги. Это наш предприниматель. Фамилии не хочу называть — это дело не для того, чтобы ее знали. Его зовут Павел, это очень добрый поступок, и я рад, что такие люди у нас есть... Когда раньше мы говорили об этом, я сказал: какой разговор — не хватит, и мы возьмем шапку, и все будут бросать, кто сколько может. Я не сомневался, что мы наберем не только требуемую сумму, но намного больше.

— Увековечат ли в Париже память поэта?

— Я хочу в холле дома постпредства на улице де ля Тур поставить, если Ольга Владимировна не запретит, табличку с надписью: «Здесь в мае—июне 1997 года провел последние дни своей жизни великий поэт Булат Окуджава».

ПАРИЖ.

Окуджавы Булат Шалвович 18.06.94.